

Раздел III. Трансперсональность как феномен пограничья

Ю.М. РЕЗНИК

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: в процессе межличностного взаимодействия реализуется особый вид трансперсональности — интериндивидуальный, выступающий в трех основных формах («междумирье», «междувремя» и глубинная трансакция). Его сущность заключается в установлении устойчивых и глубинных связей между субъектами, характеризующихся признаками интенциональности, бессознательным характером, непрозрачностью, невыразимостью, личностной автономией и креативностью. Результатом такого взаимодействия становится формирование субъектности нового типа — разобщенного Иного, который представляет собой локально-различимое единство, складывающееся на основе взаимных интенций (духовной близости), сходства жизненных смыслов и перспектив.

Главное в исследовании интериндивидуальной трансперсональности — открытие мира иного в сфере межличностных отношений, мира, лежащего за пределами интерсубъективного, культурно опосредованного институционально заданного и нормативного одобренного. Именно в нем возникает область межличностного творчества, которая представляет несомненный интерес для ученых и специалистов-практиков, стремящихся постичь новые грани человеческого бытия.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии, заведующий кафедрой философии РАНХиГС при Президенте РФ (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Abstract: *In the process of interpersonal interaction a specific inter-individual kind of transpersonality is being implemented. It acts in the three main forms (“between-the-worldness”, “between-the-timeness” and deep transaction). Its essence lies in the establishment of stable and deep links between the subjects, characterized by intentionality, unconscious nature, opacity, ineffability, personal autonomy and creativity. As a result of such interaction a new type of subjectivity is being shaped – a dissociated Other who is a locally discernible unity comprised on the basis of mutual intentions (a spiritual proximity) and a similarity of life meanings and prospects.*

The most important thing in the study of interpersonal transpersonality is the discovery of the world of the other in the sphere of interpersonal relations. It is a world beyond the sphere of inter-subjective, culturally mediated, institutionally predetermined and normatively legitimized. Here emerges an area of interpersonal creativity which becomes unquestionably interesting for theoretical scholars and practical specialists willing to grasp the new facets of human being.

Ключевые слова: человек, культура, пограничная реальность, между-бытие, жизненный мир, взаимодействие, экзистенция, трансценденция, персональность, трансперсональность, интересубъективность, бессознательное, интериндивидуальная трансперсональность, интенциональность, межличностные практики, личностная автономия, трансперсональное взаимодействие, «междумирье», локально-различимое единство, обобщенный Другой, разобщенный Иной, различие, трансперсональный союз, творчество, время жизни, «междувреме́нье», глубинная транзакция, невыразимость, солидарность.

Keywords: *human being, culture, border reality, being-in-between, life world, interaction, existence, transcendence, personality, transpersonality, inter-subjectivity, the unconscious, inter-individual transpersonality, intentionality, inter-personal practices, personal autonomy, transpersonal interaction, “between-the-worldness”, locally discernible unity, generalized Other, dissociated Other, difference, transpersonal union, creativity, life time, “between-the-timeness”, deep transaction, ineffability, solidarity.*

Вместо предисловия

В данной статье я обращаюсь к характеристике одного из уровней трансперсональной реальности, который можно условно назвать *межиндивидуальной (интериндивидуальной) трансперсональностью*. В этом плане трансперсональный человек есть никто иной, как идеальный тип человека, который выражает обобщенную способность проникать в параллельные миры других индивидуальных субъектов и пребывать с ними в пограничном пространстве или сфере между-бытия, не теряя при этом своей индивидуальности.

Поскольку человек живет среди людей, а не только в воображаемом обществе или ином тоталитарном единстве, то следует более детально разобраться в трансперсональной природе его межличностных отношений. Поэтому оставляю за скобками родовое или божественное предназначение человека и обращаюсь к анализу интериндивидуальной трансперсональности.

Межиндивидуальная или интериндивидуальная трансперсональность предполагает ориентацию человека на других, внеположенных «Я», находящихся за пределами его собственного сознания. Такая трансперсональность начинается с обращения человека к другим людям, которые нужны ему для формирования целостности иного порядка, своего рода ансамбля или конфигурации личностей, где каждая из них, сохраняя свою автономию, становится частью чего-то большего, чем она сама. Но в этой совокупности личность не растворяется полностью, а лишь получает дополнительные возможности, отличные от тех, которые ей предоставляет любая социальная группа или институт.

Между-бытие как способ существования интериндивидуальной трансперсональности имеет в свою очередь пространственное, временное и интересубъектное измерения (соответственно — междумирье, междувременье и глубинные трансакции), которые проявляются в трансперсональном взаимодействии человека. Межиндивидуальная трансперсональность не может быть понята без определения его субъектных свойств, позволяющих погружаться в пограничное пространство, находящееся между различными жизненными мирами и временными координатами.

Человек между жизненными мирами людей

Перейду вначале к характеристике некоторых субъектных черт человека, который раскрывает свою трансперсональность во взаимодействии с жизненными мирами других людей.

1. *Субъект междумирья*. Естественной стихией трансперсонального человека выступает перманентное стремление к преодолению системных, пространственно-временных и прочих границ жизненного мира как сферы интересубъективного взаимодействия. Как известно, в этом мире люди руководствуются типическими и конвенциональными (взаимосогласованными) представлениями, которые предполагают принятие образа обобщенного Другого и следование ему в повседневных ситуациях. Он локализуется посредством интересубъективного настоящего.

И все же в жизненном мире есть место для иного опыта и знания, разделяемых небольшой группой людей. Я не буду называть их избранными или посвященными, чтобы не быть заподозренным в эзотеричес-

ких пристрастиях. В эзотерике существует тайное знание, доступное лишь узкому кругу посвященных или избранных. В моей же модели трансперсональности как способе между-бытия нет места тайному знанию, хотя имеются латентные слои реальности, погружение в которые требует особого видения и понимания.

Поскольку в своей повседневной жизни я не могу существовать один, без взаимодействия с другими людьми, то вполне возможно предположить, что именно в нем же находится и источник моей трансперсональности как запредельного состояния или надличностной активности, ведущей к постижению иного опыта. И этот опыт не принадлежит каждому из нас в отдельности, а является ситуативно общим достоянием, которым мы пользуемся избирательно и в соответствии с собственными убеждениями.

От интересубъективности интериндивидуальная трансперсональность отличается отсутствием коллективных представлений или рабочих определений, нормативных экспектаций, которыми мы наделяем нашу совместную реальность. Поэтому этот образ не обладает регулятивной функцией и интегрирующей силой. Он не сводится также к сумме индивидуальных интенций и установок, выражающих некую равнодействующую линию. Он также не лежит на поверхности нашего сознания, а скорее погружен в глубины бессознательного, выступая вместе с тем средоточием совместного опыта двух и более людей.

Другими словами, интериндивидуальная трансперсональность в отличие от интересубъективности не является свойством коллективного субъекта или группы индивидуальных субъектов, а находится в пространстве, локализованном между ними. Это — не совместное бытие, а между-бытие, пограничная или «сквозная» реальность, существующая мимолетно, фрагментарно и ситуативно. О ее присутствии мы узнаем лишь косвенным образом, например, когда обнаруживаем, что в ходе нашего интенсивного взаимодействия рождаются новые смыслы, которые не становятся чьей-то конкретной собственностью (их нельзя присвоить) и в то же самое время общим достоянием. Они открываются лишь немногим субъектам, способным перешагнуть порог своего обыденного сознания и оторваться от культурных уз.

Если персональность локализована во всеобщем единстве индивидов (прежде всего, в культуре и социальности), представляя собой его персонафицированное выражение, то в трансперсональности как пограничном пространстве, образуемом *между* жизненными мирами, формируется *локально-различимое единство*, объединенное не общими интересами и установками, а некоторыми идеями и сходным пониманием ситуации взаимо-

действия. Другими словами, трансперсональность — это зона пересечения жизненных миров людей, взаимопроникновения их смыслов и интенций. В этом смысле ее можно рассматривать как особую форму междубытия, бытия между этими мирами (а не над ними) или *междумирья*.

Уже личность (как индивидуальная персональность) укоренена не только в мире живого (через тело), но и пребывает в конкретном социокультурном окружении (пространстве культуры). Одним словом, она привязана непосредственно к социальности и культуре. Трансперсональность же находится на границе разных культур и социальных общностей, не принадлежа каждой из них в отдельности, а образуя при этом новый слой межкультурной и межсоциальной реальности.

В *персональности* человека присутствует множество масок индивидуального или коллективного бессознательного (у Юнга это — «персона», «тень», «анима» и «анимус»), под которыми скрывается его истинная или аутентичная сущность. У трансперсональности нет одной маски. Она многолика, хотя при этом еще и незрима, невыразима, а, следовательно, не поддается визуальному восприятию и символическому определению. Ее трудно зафиксировать и тем более идентифицировать (по крайней мере, на данном этапе развития науки).

В структуре интраперсональной реальности обычно выделяют различные «Я», организованные вокруг центра (самости или проприума). Культура проникает в мир человека как непосредственно, так и через архетипы коллективного бессознательного. Если центром персональной реальности человека выступает культурно опосредованная и основанная на архетипах коллективного бессознательного самость (проприум), то в качестве главного источника интериндивидуальной трансперсональности следует рассматривать не только врожденные идеи, которые воспроизводятся на табло сознания через механизмы припоминания или воспоминания, но и *мир конвенциональных идей, поддерживаемых трансперсональным сообществом на протяжении некоторого времени и воспринимаемых бессознательным образом*. Из этого следует, что такая трансперсональность существует ровно столько, сколько у ее субъектов находится поводов для глубокого общения и совместных духовных поисков.

В своей персональной реальности человек непрестанно обращается к другим людям, создает и поддерживает вместе с ними самые разные формы институционально опосредованных отношений («Я — Ты», «Мы — Они», «Свой — Чужой», «Он — Она», «Старший — Младший» и пр.), следуя установкам *обобщенного Другого* и требованиям культуры. Трансперсональность же адресована не к социальному целому как таковому и не к обобщенному Другому, а к другим Иным (как конкретным персональностям),

обладающим самостью и субъективностью. В процессе трансперсонального взаимодействия (ситуативного трансцендирования) человек осуществляет акты распознавания самостей и идентичностей других личностей, порождая вместе с ними новое пространство.

2. *Разобщенный и внутренне дифференцированный Иной*. Трансперсональность означает буквально выход человека за пределы своей персональности, интегрированной в социум посредством культуры. Но куда выходит человек? В мир непостижимого трансцендентного? Нет. Э. Левинас называет этот предел феноменом «иначе, чем быть», или «инобытием», находящимся «вне бытия» и обозначающим «подлинную человечность». Как буферная зона между бытием и небытием она характеризуется освобождением «Я» человека от всего внешнего в нем самом и *интенциональностью* посредством трансцендентальной редукции (среди направленных к экстерииорности интенциональных состояний остается лишь Метафизическое Желание)¹. Только трансперсональное в человеке способно выйти навстречу Иному, имманентно трансцендирующему, а не трансцендентному.

Трансцендентное дано или задано человеку свыше кем-то или чем-то. Трансцендирующее в нем характеризует непрерывный выход за пределы предустановленного (прежде всего, социокультурного) бытия. В этом смысле каждый разумный человек способен преодолевать, хотя бы рефлексивным образом, границы своего существования и стремиться к бесконечности (пусть даже иллюзорной).

Другими словами, трансперсональный человек — это субъект межличностного взаимодействия, способный проникать в жизненные миры других людей и расширять пространство своего существования. Он стремится удерживать вместе с ними образ *разобщенного Иного*, который отличается от интерсубъективного обобщенного Другого возможностью автономного существования в параллельных пространствах. В то время как обобщенный Другой выражает позицию коллективного субъекта, связывающего индивидов взаимными обязательствами и ожиданиями, Иной как разобщенный субъект, отстаивающий точку зрения неизбежной дифференциации жизненных миров, их несводимости друг к другу, являет собой, с одной стороны, момент различия и расхождения с устоявшимися в обществе нравами и представлениями, а с другой, момент взаимопроникновения этих миров и формирования с их участием нового жизненного пространства, в котором индивидуальные субъекты приобретают дополнительные возможности для творческой самореализации.

---

¹ См.: http://slovari.yandex.ru/dict/hystory_of_philosophy/article/if/if-0216.htm?text.

Но как устроен разобщенный Иной? Этот вопрос пока остается без развернутого ответа. Если следовать теории К. Юнга, то можно в лучшем случае представить себе структуру интраиндивидуальной трансперсональной реальности: Эго как сознательная часть личности («сознательный ум»), индивидуальное бессознательное (неотрефлексированные или вытесненные переживания) и коллективное бессознательное (культурно унаследованные паттерны и, прежде всего, архетипы). Некоторые архетипы Юнг описывает попарно: персона и тень, анима и анимус, Бог и мудрец. Самость является у него источником трансперсонального единства личности. Однако в структуре личности у Юнга нет места подструктуре, отвечающей за интериндивидуальный трансперсональный опыт.

Можно предположить, что такой подструктурой выступает самость, которая характеризует границу между сознательным и бессознательным. Но данное предположение может быть отнесено лишь к одному из уровней трансперсональности – интраиндивидуальному. Что же касается разобщенного Иного, конституирующего интериндивидуальную трансперсональность, то его структура имеет надличностную или межличностную природу, а, следовательно, находится вне или на границе жизненных миров взаимодействующих личностей.

Конечно, логично было бы отталкиваться в анализе структуры разобщенного Иного от концепции коллективных представлений Э. Дюркгейма или идеи интерсубъективной рациональности М. Вебера. Но они писали о другом, о взаимосвязи социальной и персональной реальностей. В дальнейшем Т. Парсонс довел идею интеграции этих видов реальности до логического тупика. В моем же представлении Иной есть воплощение локально-различимого единства, которое еще не стало (и, возможно, никогда не станет) целым, имеющим общие интересы и паттерны поведения. Это то, что предшествует или сосуществует рядом с институциональным единством, закрепленным общеразделяемыми ценностями и нормами.

И все же в первом приближении становится очевидным, что разобщенный Иной появляется в ситуации взаимодействия благодаря различиям, а не нормативно опосредованным и заданным позициям, предполагающим следование установленному порядку. Вместо нормативного порядка, так близкого воображению социологов, трансперсонализм должен выработать другое понятие, обозначающее ситуативно возникающий способ сосуществования и взаимодействия субъектов, не только способных понимать и чувствовать друг друга с полуслова, намеком, но и стремящихся быть вместе. Скорее это можно назвать опытом сопереживания, сочувствования и содействия. Если социальный порядок скрепляет

отношения между людьми внешним, институциональным образом, то трансперсональный опыт соединяет их помыслы глубинным (интенциональным) образом. Их не нужно заставлять или побуждать быть вместе. Но они делают это сами, повинувшись собственным желаниям и внутреннему выбору.

Очевидно, что в *трансперсональный союз* не могут вступать личностно незрелые или духовно неразвитые. Компания подростков, культивирующих отношения типа «свой и чужие» и принимающих право сильного на безусловное лидерство, вряд ли в состоянии образовать такого рода единство. Разобщенный Иной соткан из ограниченного множества индивидуальных волей, устремлений, желаний, хотений людей, достигших определенного уровня зрелости и извлекающих из этого союза собственную пользу (например, чувство эмоционального подъема, творческий энтузиазм и пр.). Это — единение духа конкретных людей, а не их интересов или целей. У них нет общих целей, поскольку мотивации у всех участников разные, а вот стремление быть вместе (причем с конкретными людьми) у них может быть общим. Поэтому многое зависит от конкретного состава участников трансперсонального единства.

Следовательно, Иной — это не позиция, а образ действия, мышления и переживания, при котором каждый из участников этого локально-различимого единства осознает свое отличие от другого, но вместе с ними удерживает границу с внешним миром, в отношении к которому у него складывается гораздо больше общего с «внутренними» участниками, чем с совершенно посторонними людьми. Причем линия размежевания с внешним миром определяется не критерием «свой — чужой», а взаимным влечением или отталкиванием помыслов, что в известной мере дает нам право рассматривать такого Иного как ментальное единство. Однако это — ситуативное единство помыслов, смысложизненных ценностей, определяемое внутренним выбором каждого участника, а не единством институционально заданных позиций.

Можно предположить, что мы думаем о существовании нашей жизни по-разному, но думаем предельно глубоко (сущностным или концептуальным образом), иногда думаем об одном и том же, хотя чаще всего о разном. Но главное, мы думаем об основаниях и смыслах жизни постоянно, находясь в перманентном духовном поиске, в отличие, скажем, от большинства обывателей, не способных вообще к рефлексии повседневности, или от людей тоталитарного склада мышления, которым следует думать сходным образом или в одном заданном направлении (например, группы чиновников, членов партии или религиозных сект). В последнем случае наблюдается одна интересная тенденция: чем ниже индивид на-

ходится в системе иерархии власти, тем меньше от него ждут окружающие принятия собственных идей и самостоятельных решений, и тем менее востребована его способность к аналитическому мышлению. Он не обязан (да и не должен) думать. Думать там должны те, кому положено по статусу, хотя чаще всего или во многих случаях их мыслительные способности уже давно атрофированы на предыдущих ступенях бюрократической карьеры. Как известно, бюрократическая система любого типа не терпит умных и думающих людей, выбивающихся из общего фона, и старается избавиться от них уже на первых подступах к властным позициям.

Приведу личный пример. В недалеком прошлом мне часто ставили в вину некоторые большие начальники, имевшие институциональный вес в структурах управления отечественной наукой, что я, обладая определенным научным потенциалом и необходимыми организационными способностями, вел себя не всегда по правилам, а, следовательно, прямо или косвенно вступал в конфронтацию с устоявшимся порядком. И именно данное обстоятельство служило препятствием на пути построения моей карьеры в научном сообществе. Пусть это останется в прошлом. Я уже давно не играю в карьерные игры, занимаясь любимым делом, и общаясь с теми, кто мне в творческом плане интересен.

Но все же зададимся вопросом: кто устанавливает эти правила игры? Разве те лица, которые известны в отечественной гуманитарной науке как авторы крупных научных идей, концепций? Или в организацию науки идут не совсем чистоплотные люди, преследующие корыстные интересы? Пока в научном сообществе остаются разные блага, звания и другие ресурсы, пусть даже символические (например, академические регалии), научная карьера будет привлекательна для всякого рода дельцов и даже откровенных проходимцев. А ведь только в здоровом научном сообществе, очищенном от корысти и чинов, могут складываться трансперсональные союзы — прообразы будущих научных школ и исследовательских групп. Ни это ли одна из главных причин отставания отечественной гуманитарии от передовых рубежей мировой науки?

В трансперсональном единстве (союзе) не существует единых правил. Он отличается от многих корпоративных объединений и групп интересов стремлением некоторых, близких по духу и уровню интеллекта людей осуществлять совместный поиск и решение проблем, которые они считают для себя актуальными или смысложизненными. В какой-то мере трансперсональность и есть *смысложизненное единство индивидов*, т.е. единство, складывающееся между людьми по поводу осмысления оснований собственной жизни, а не в зависимости от тех или иных, ситуативно возникающих интересов. Вот почему случайный попутчик в поез-

де редко становится участником такого единства. С ним можно приятно провести время, обсуждая разные темы или удовлетворяя желание излить душу, но редко у кого из нас возникает желание встретиться с ним снова, чтобы обсудить смысловые проблемы. Для этого существуют другие формы и каналы общения.

В трансперсональном состоянии человек погружен, как считал австрийский философ Ф. Брендано, в «интенциональные» отношения с миром, в т.ч. с другими людьми. Речь идет о смысловой направленности сознания субъекта к чему-либо, которая реализуется путем выявления существенных признаков явлений и процессов.

Как я уже отмечал выше, субъектом трансперсональности является разобщенный и дифференцированный Иной, который вбирает в себя множество индивидуальных оттенков и стилей, имеющих значение для конкретного человека. Напротив, совокупным представителем интерсубъективности выступает обобщенный Другой. Из трансперсонального союза как локально-различимого единства (ансамбля личностей) я могу выйти, сохранив свою индивидуальность, а вот из социальной группы, конституируемой интерсубъективностью, это сделать гораздо сложнее. Чтобы жить в социальном мире, я должен принимать общие правила игры и руководствоваться общепринятыми представлениями, если хочу, конечно, добиться успеха или сохранить статус-кво. Здесь я теряю в той или иной мере свою автономию, приобретая другие преимущества — социальную защиту, новые статусные позиции, символические ресурсы и пр.

И все же Иной, хотя и разобщенный, представляет собой единство, пусть даже локально-различимое. А это значит, что между индивидами существуют не только различия, но и определенные сходства, обнаруживаемые в их жизненном опыте, образе мышления, типе интеллекта и пр. Разобщенный Иной есть единство в различии и различие в единстве. Он дифференцирован на множество взаимных ориентаций, пронизывающих собой различные жизненные миры людей, которые находятся на одной орбите духовного существования. В него входят различные духовные практики. Различия же можно распознать и оценить только с опытом, который приобретается годами упорного труда и самосовершенствования. Поэтому далеко не каждый человек может стать частью разобщенного Иного, а лишь тот, кто способен дополнить и развить своим участием единство разных и равнодостоинных.

Поэтому в качестве структурной единицы разобщенного Иного я буду рассматривать не позицию актора, которую он занимает в определенной социальной структуре, а конкретное интенциональное отношение между людьми (их взаимные ориентации и влечения), складывающееся чаще

всего не благодаря, а вопреки устоявшимся традициям культуры, социальным стереотипам или канонам моды.

Таким образом, разобщенный Иной есть конкретная конфигурация деятелей, имеющих сопоставимые интеллектуальные (и духовные) потенциалы, сходный жизненный опыт и связанных друг с другом прочными интенциональными отношениями². Хотя у такого конфигуративного единства отсутствуют общие интересы и цели, в нем имеется координирующий орган или центр, образуемый для решения ситуативных проблем, а потому сменяемый или смещаемый в зависимости от интенций входящих в него участников.

3. *Креативный субъект*. Как известно, существуют разные способы объединения людей в общности (статусно-ролевые признаки, кровное родство, естественные или возрастные сходства и пр.). Но главным интегратором, несомненно, выступает культура, образцы которой вырабатываются усилиями многих и многих поколений людей. И в этом плане культура есть результат трансцендирования нового опыта предыдущими поколениями. По своей системной природе она чужда духу трансперсональности, взывающей к преодолению социальных границ и институциональных барьеров.

Впервые тезис о «чуждости» культуры трансцендирующему человеку обосновал А. Маслоу. «В некотором смысле самоактуализирующийся человек, и тем более трансцендирующий себя..., – это универсальный человек. Он *представитель человеческого рода* (выделено мною – Ю.Р.). Его корни в определенной культуре, но он поднимается над ней; о нем можно сказать, что он в разных отношениях независим от нее и смотрит на нее с высоты, может быть, подобно дереву, корни которого в почве, а ветви простерлись ввысь и неспособны взглянуть на почву, в которую углубились корни. Я писал о *сопротивлении самоактуализирующейся личности ее поглощению культурой* (выделено мною – Ю.Р.). Такая личность может исследовать свою культуру, в которой находятся ее корни, отстраненным и объективным образом»³.

---

² Как известно, термин «конфигурация» характеризует взаимное расположение предметов или их частей. В отличие от системы как совокупности элементов, образующих благодаря интегрирующему фактору целостное единство, конфигурация не предполагает доминирования какого-либо фактора или единственной силы. Она представляет собой слабый или «мягкий» тип связей между частями какого-либо образования. В ней отсутствует единый управляющий или координирующий центр, определяющий характер связей между этими частями или элементами раз и навсегда. Этот центр постоянно смещается или меняет расположение, расширяя репертуар и творческие возможности индивидуальных участников, составляющих конфигурацию.

³ См.: Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб, 1999. С. 282.

Следовательно, трансперсональность не отрицает культуру, как таковую, а предлагает другую точку сборки социального или культурного целого. Она выражает собой расширенную и умноженную личность, конфигурацию отдельных персональностей, проникающую за границы данной культуры и образующую пространство межкультурного взаимодействия. Вместе с тем она воплощает в себе креативную и в широком смысле творческую активность человека.

Креативность и готовность к ней есть, по А. Маслоу, один из признаков самоактуализирующейся личности (в нашем случае – трансперсонального человека). Обучение через творчество и творческое общение он считал необходимыми предпосылками становления нового человека. Для этого человеку следует постоянно стремиться стать другим, быть более мобильным и уверенным в себе. А главное – развить в себе импровизацию и вдохновение⁴. Я бы добавил к этим характеристикам креативности еще и интуицию, которая выражает в буквальном смысле чутьё, пронизательность, непосредственное постижение истины без логического обоснования, основанное на воображении, эмпатии и предшествующем опыте. Интуиция предполагает в свою очередь развитое воображение (способность человека создавать образы, представления, идеи и использовать их в своей деятельности), а также его неизбежный спутник – чувство нового.

В этом смысле трансперсональность по своей творческой сущности близка джазу. Этот жанр музыкального искусства, как никакой другой, требует от исполнителя и слушателя необычайно развитого воображения, способностей импровизировать и улавливать моменты импровизации другого участника (исполнителя). Кроме того, джаз по своему инструментальному обеспечению и звуковому ряду передает, как и трансперсональность, широкую гамму тональностей и звучаний. Он многозвучен и поливариантен. Вместе с тем он остается непрозрачным и невыразимым для тех, кто не может (или не хочет) воспринимать этот музыкальный стиль. Настоящие джазмены понимают друг друга без лишних слов и жестов. В момент исполнения любимых джазовых композиций они образуют уникальное по своему составу и качеству творческого самовыражения трансперсональное единство, в котором видна индивидуальность и слышен голос каждого.

Таким образом, творчество как способ самореализации и форма общения человека лежат в сфере его трансперсональной реальности. Оно есть акт трансцендирования. Вот почему творчество – это всегда штуч-

---

⁴ См.: *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб, 1999. С. 70-71.

ное производство, тогда как культура образует собственную сферу, регламентируя и опосредуя взаимодействие человека с миром и другими людьми. Последняя тиражирует типичное и социально значимое, поддающееся нормативной регуляции со стороны различных институтов. Одним словом, продукты культуры должны обладать свойствами социальной полезности и общезначимости. А результаты трансперсональной (творческой или креативной по своей сути) деятельности человека всегда уникальны и имеют, как правило, индивидуально-субъективное значение, воспринимаемое лишь очень узким кругом людей.

Трансперсональная сущность творчества заключается в трансцендировании как уникальном процессе порождения нового опыта и знания, отличающегося от имеющегося или уже известного (культурного узаконенного) опыта своей инаковостью. В социальном плане творчество человека обращено к значимому Другому или группе референтов и признанных экспертов, которые оценивают результаты его деятельности (новые книги, художественные произведения, научные открытия, изобретения и т.д.), а также присваивают (или не делают этого) различные звания, регалии и пр. В трансперсональном смысле творчество лишено коллективной оценки и общественного признания. Оно самобытно и самоценно. Его субъект апеллирует не к социальным инстанциям, а к другим иным, имеющим сходный жизненный и профессиональный опыт, а также близкие ему по духу мировоззренческие установки.

Человек на границе времен других субъектов

Трансперсональный человек порождает в ходе взаимодействия не только новое пространство, существующее между его жизненным миром и мирами других людей («междумирье»), но и создает особую ситуативную реальность, пронизывающую собой разные времена их совместного бытия («междувремя»).

Некоторые коллеги уже знакомы с моей типологией субъектов социального времени⁵. Суть ее состоит в следующем: в условиях модерна сформировался особый массовый тип человека — эго-деятель, субъект целерационального действия, а также человек, ориентированный на себя, игнорирующий общие интересы и стремящийся к извлечению максимальной выгоды из общего дела. Он использует в своих целях так называемых не-деятелей, субъектов традиционного действия, не способных самостоятельно принимать решения и выработать стратегические при-

---

⁵ См.: Резник Ю.М. Жизненный выбор человека: сущность и стратегии реализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2-3 (№№ 71-74).

оритеты своей деятельности. Ему противостоит эко-деятель, субъект ценностно-рационального действия.

Время жизни социальных субъектов является ареной столкновения и противоборства разных сил и тенденций. Человек переживает время своих социальных групп, будь-то поколенческие, социально-профессиональные общности или иные социокультурные ареалы. Вместе с тем он выбирает и реализует вполне определенную стратегию деятельности. Значит ли это, что наше будущее связано с расширением пространства самодетельности лишь одного из типов субъектов социального времени, а именно – эко-деятели. Нет, конечно. Можно лишь предположить, что в современном обществе доминируют эго-деятели и их представления о времени, а в будущем, постсовременном большее влияние на формирование картины социального времени людей будут оказывать эко-деятели. Но поскольку становление постсовременного общества только начинается, то последние в историческом плане пока проигрывают эго-деятелям, уступая им по всем направлениям осуществления жизненного выбора социальных субъектов. Поэтому их картина социального времени не является пока предпочтительной для большинства участников жизненного процесса.

Однако к образу трансперсонального человека не подходят свойства, выделенные мною ранее для характеристики стилевых особенностей субъектов социального времени. Его нельзя определять, как, например, образ эго-деятели, в терминах «эксплуатирующий стиль», «рецептивный стиль», «карьеристский тип» и т.д. Не соответствуют его природе и такие черты эко-деятели, как «активно-конструктивный стиль», «инициативный» или «новаторский стиль». Он находится в другом временном измерении, чем описанные мною типы не-деятели, эго-деятели и эко-деятели, которые предлагают и поддерживают различные картины социального времени (условно – традиционную, современную и постсовременную). Именно поэтому данная типологическая схема ему не подходит. Такой человек живет как бы между разными временами (прошлым, настоящим и будущим). Его пограничье имеет не только онтологический ракурс, но и темпоральный статус.

Но можно поставить вопрос несколько в иной плоскости и предположить, что именно трансперсональный субъект формирует собственное время жизни, которое я условно назову «сквозным» временем. Кроме того, ему удастся удерживать и преобразовывать в себе разные картины социального времени. Он способен проникать сквозь толщу времени и создавать пограничную ситуацию. Другими словами, именно в пограничном пространстве возможно появление феномена «сквозного» времени.

Но чем отличается «сквозное» время от линейного по своей сути времени жизни социальных субъектов? Последнее, как известно, интегрировано во время существования социальных групп и, поэтому жизненный выбор человека зависит в основном от господствующих в них коллективных представлений (образцов, ценностей, норм и пр.). Именно с ними человек согласует свои жизненные планы и реальные шансы их осуществления.

Границы же большинства общностей людей определяются социокультурными и, прежде всего, ценностными рамками. Назову их условно социокультурными ареалами или «ценностными стратами». У каждого такого ареала или страты имеются свои ценностные приоритеты. Они отличаются, в частности, особым отношением к проблеме формирования картин социального времени. В качестве обобщенных свойств этих картин я рассматриваю их стилевые характеристики. Ведь именно в особенностях жизненных стилей социальных субъектов проявляется динамика времени.

«Сквозное» время человека не является навязанным ему извне другими социальными субъектами. Он актуализирует его по собственной инициативе и пребывает в нём автономно, не растворяясь в общественных мнениях, оценках и поведенческих стандартах. О природе данного времени, как и сущности трансперсонального субъекта, пока мало что известно науке. Возможно, оно возникает в ходе межличностных практик как продукт конвенционального взаимодействия. Чувство «сквозного» времени у человека сопряжено не только с ситуативным переживанием повседневности, которая приоткрывает ему горизонт новых возможностей, но и с формированием особого видения иного (чаще всего запредельного по отношению к существующему) опыта и знания.

Как известно, временные стандарты каждой эпохи устанавливают критические события и конфликты, проявляемые в конкретных поступках великих личностей, вождей или героев своего времени, а не тайные исторические факторы. Вырваться за пределы доминирующей культуры и осознать ограничения определяемой ею модели социального времени могут лишь единицы. И именно они чаще всего прорываются сквозь пелену исторического времени, и становятся кумирами для будущих поколений. Но преодолевая системные рамки, налагаемые культурой, они подвергают свою жизнь опасностям, а себя — гонениям. Так было всегда с незапамятных времен и, наверное, будет в обозримом будущем.

Могу предположить далее, что трансперсональный человек есть путешественник во времени, а точнее — между различными временами. Наверное, жить вообще вне времени нельзя. Однако можно существо-

вать на границе времен, пребывая в сфере *между-время* (например, между прошлым и будущим, минуя настоящее, и т.д.). И все же метафорическое выражение «путешественник во времени» не совсем подходит к образу трансперсонального человека. В мире повседневности он воспринимается скорее как представитель другой планеты (инопланетянин). Поэтому такой субъект выпадает из привычной временной матрицы, принятой в массовом обществе. Его не волнуют ценностные приоритеты и идеалы, навязываемые адептами разных картин социального времени, господствующих в современном обществе. Он живет в своем мире и собственном времени.

Итак, трансперсональный человек может выходить за рамки господствующей картины времени, навязанной эго-деятелями или иными субъектами социального времени, и руководствоваться в своей жизни иными представлениями, отличными от тех, которые приняты в том или ином сообществе. Сразу отмечу, что речь идет не о каком-то новом типе человека наряду с перечисленными выше типами, а об особом состоянии (повороте) сознания, которое достигается у некоторых людей в определенной ситуации межличностного взаимодействия. Другими словами, трансперсональным субъектом может стать далеко не каждый человек, а лишь тот, кто выработал в себе за долгие годы жизни и развил до совершенства способности к трансцендированию иного знания и опыта, лежащего за пределами обыденных, культурно обусловленных представлений.

Человек в мире с людьми: опыт трансперсонального общения

Трансперсональный человек формирует особое пространство взаимодействия (транзакции), создавая и поддерживая в месте с другими людьми особый мир⁶. Однако термин «транзакция» допускает возможность взаимного манипулирования партнеров по общению. Поэтому я должен уточнить его определение и ввести понятие «*глубинная транзакция*». В моем понимании такой транзакцией следует считать единичный акт общения, который происходит в ситуации погружения в трансперсональность. На это указывал один из классиков современной психологии В. Райх, который подчеркивал, что у каждого человека имеется «глубинный слой», в котором сосредоточены неосознаваемые им социально-позитивные импульсы и мотивы (например, мотивы к труду, любви и познанию).

---

⁶ Как известно, *транзакцией* называется единица взаимодействия партнеров по общению, сопровождающаяся заданием позиций друг друга (см.: <http://www.transactional-analysis.ru/manipulation/127-progn>).

Как известно, анализ транзакций у Э. Берна – это анализ того, как поступают люди и что они говорят друг другу в ситуации взаимодействия. И все же Берн не вышел на изучение глубинных транзакций, ограничившись исследованием и конструированием позиций, которые занимают по отношению друг к другу участники взаимодействия.

Глубинная транзакция – это интенциональный поток сознания, устремленного к другим участникам взаимодействия. Это – общение без слов, жестов и других привычных средств вербальной коммуникации, общение по сути, а не по форме. Это то, что мы улавливаем интуитивным образом, воспринимая содержание не напрямую, а опосредованно.

Существенным признаком глубинной транзакции выступает *интенциональность*, понимаемая в данном случае как отнесенность содержания внутреннего мира одной личности к другой и формирование на этой основе пространства взаимопонимания, где, по образному выражению Э. Гидденса, все стороны приобретают «тайное» или «молчаливое» знание, которое чаще всего подразумевается, но редко высказывается вслух. Мы можем понимать друг друга, даже если говорим на разных языках, в т.ч. языках науки. И чаще всего молчаливое знание и подразумеваемый опыт объединяют людей, придерживающихся разных идей, систем вероисповедания и жизненных практик. Именно они и вступают в трансперсональное общение, преодолевая межкультурные и иные барьеры.

Однако не все исследователи так понимают интенциональность. В представлении Э. Гидденса интенциональность как преднамеренность и умышленность действия содержит установку субъекта на достижение определенного качества или результата. Возможно, она характеризует, с его точки зрения, не дискурсивное сознание, предполагающее сознательную реакцию индивида на окружение, а практическое сознание, включающее в себя не вполне осознанные, неотрефлексированные знания и мотивы⁷.

Но как же проявляет себя Иной в глубинной транзакции? Ведь он представлен не единым субъектом, а конфигуративным множеством «Я» разных людей с их смысловыми (смысложизненными) особенностями. И эти «Я» находятся друг с другом в интенциональных отношениях, которые скрепляют их связи сильнее институциональных отношений, опосредующих позиционные транзакции. Чтобы вступить в транзакцию глубинного типа необходимо отказаться от отождествления себя с институ-

---

⁷ См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М., 2003. С. 49.

циональными структурами, где всем отведено определенное место, с тем, чтобы далее поставить и держать их под своим контролем. И всё это делается ради поддержания пресловутого социального порядка. Неужели ему нет альтернативы в повседневной жизни? Оказывается есть.

Второй признак глубинных транзакций – *солидарность* (смысловое единство индивидов, подкрепляемое их конкретными делами). Причем солидарность, понимаемая не в духе А. Адлера, т.е. как слияние с другими. Ни о каком слиянии желаний и помыслов индивидов, и тем более о полном растворении в коллективном целом, не может быть и речи. Но как тогда взаимодействуют индивиды, чтобы достичь трансперсонального единства? Ответ не совсем очевиден, поскольку не лежит на поверхности.

Можно лишь предположить, что в процесс трансперсонального взаимодействия вступают, как полагал Р. Ассаджиоли, истинные или высшие «Я» людей. Я считаю, что у этих «Я» могут быть и другие обозначения, например, аутентичные «Я». Именно на уровне их взаимодействия происходит формирование солидарности как локально-различимого и смысловозначимого единства. Вот почему так значима для отдельных личностей категория настоящести, подлинности. Мы можем вступать в трансперсональное единство, достигая состояния солидарности, лишь будучи настоящими, «естественными» или аутентичными субъектами.

Еще один важный признак глубинной транзакции – *невывраимость* ее содержания символическими средствами, которую основатель трансперсональной теории У. Джеймс называл неизреченностью, т.е. невозможностью субъекта найти слова для описания переживаний. Это то, что субъект транзакции наверняка знает относительно содержания собственной деятельности, но вместо того чтобы об этом говорить, предпочитает использовать это знание на практике с учетом имеющегося у него опыта. По мнению Э. Гидденса, такое «молчаливое» знание не всегда оказывается востребованным и «услышанным» другими субъектами. Поэтому о нем еще надо уметь спросить, расположив собеседника к рассказу, предложить ему идею и тем самым вызвать у него глубокий интерес.

Существуют и другие, возможно, менее существенные признаки трансперсонального общения и его структурной единицы – глубинной транзакции.

Таким образом, в ходе трансперсонального взаимодействия проявляются практически все сущностные признаки трансперсональности, ее интенциональная природа (взаимная устремленность субъектов), непрозрачность (для «внешнего» круга людей), невыраимость (обычными символическими средствами), солидарность и пр.

***

Перейду теперь к кратким выводам.

1. Среди разных уровней трансперсональной реальности в качестве предмета анализа в данной статье берется интериндивидуальная трансперсональность. Эта трансперсональность, актуализируемая в процессах и практиках повседневного межличностного взаимодействия (общения), имеет свои особенности. В социальном плане она проявляется в трех формах (междумирье, междувреме́нье или «сквозное» время, а также трансакции глубинного типа).

2. Трансперсональный человек реализует свою сущность в пространстве, образуемом и находящемся на границе разных жизненных миров. Это пространство я условно определил как «междумирье». В отличие от жизненного мира как интерсубъективного настоящего оно исключает общие коллективные представления и нормы, единые для всех участников взаимодействия. Интериндивидуальная трансперсональность проявляется, прежде всего, в установлении и поддержании глубинной интенциональной связи между субъектами взаимодействия, в результате чего складывается локально-различимое единство и достигается высокий уровень взаимопроникновения их жизненных миров на бессознательном уровне. Ядром трансперсонального взаимодействия выступают не общие (и осознанные) интересы и цели, а конвенциональные идеи, которые формируются на основе сходства образа мышления и убеждений.

3. Субъектом трансперсонального взаимодействия является разобщенный Иной, представляющий собой конфигурацию (союз) взаимных интенций субъектов (разных иных), которые образуют друг с другом смысло-жизненное единство. Это, во-первых, единство по сути (совпадение интенций как духовная близость), а не по форме (внешние цели и результаты), что не исключает схожих жизненных перспектив (планов). Во-вторых, единство, достигаемое при условии сохранения индивидуальных различий и личностной автономии каждого участника такого взаимодействия. Кроме того, для становления данного единства необходимы еще сходства, причем не внешние (формальные) сходства, а «внутренние», связанные с пережитым опытом и отрефлексированными знаниями. Поэтому далеко не каждый человек способен участвовать в трансперсональном союзе. Для этого требуется определенная степень личностной зрелости и духовной близости.

4. Трансперсональный человек есть трансцендирующий и креативный субъект. Чтобы обрести трансперсональное состояние, он должен обладать некоторыми качествами: импровизация, развитое воображение, интуиция, чувство нового и пр. Одним словом, в трансперсональность

может погружаться только творческий человек, способный на производство нового опыта и знания, а значит обладающий готовностью к сотрудничеству с себе подобными. Но исходной предпосылкой для образования трансперсонального союза является все же наличие устойчивой интенциональной связи и, как следствие, — духовной близости.

5. В целом трансперсональное взаимодействие характеризуется признаками *интенциональности* (обращенность к другому иному), *непрозрачности* (это — «глубинная» связь, скрытая от визуального наблюдения и устанавливаемая на бессознательном уровне), *невывраимости* (это — «молчаливое» знание, не передаваемое обычными символическими средствами), сохранением индивидуальности и самости (личностная автономия) и *креативностью* его субъектов (творческая активность). Его субъектом выступает разобщенный Иной, представляющий собой локально-различимое единство, основанное на сходстве жизненных смыслов и взаимном тяготении участников друг к другу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
2. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб, 1999.
3. Резник Ю.М. Жизненный выбор человека: сущность и стратегии реализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2-3 (№№ 71-74).

Примечание:

1. http://slovari.yandex.ru/dict/hystory_of_philosophy/article/if/if-0216.htm?text.